

Гамбит предателя

Автор:

Евгений Лакс

Гамбит предателя

Евгений Лакс

Еще в начале обучения каждый волшебник выбирает стихию, с которой он навсегда свяжет свою жизнь. Сжигать противников силой пламени либо обращаться к свету, исцеляя смертельные раны? Однако Децимус на последнем курсе обучения так и не выбрал свой путь. Раньше такого не случалось, и руководство университета созывает консилиум, дабы решить судьбу юного феномена. В это же время с того света является неживой рыцарь, у которого есть ответ на этот вопрос. Но чтобы получить его, Децимус вынужден принять участие в невыполнимой миссии по предотвращению межмирового конфликта.

Евгений Лакс

Гамбит предателя

Пролог

На том свете

Выплавленное при помощи колдовства кресло по виду имитировало десятки сплетенных между собой корней. Они ветвились так, словно действительно когда-то были растениями, а уже потом кузнец покрыл их тонким слоем металла, сохранив изначальную форму. Однако вблизи становилось ясно, что это

вовсе не переплетенные корни молодых деревьев, а жилы, кости, мышцы. Омерзительная пародия на человеческое тело с содранной кожей. На месте подголовника находилось неровное углубление, выделяющееся белизной. Затылочная часть черепа, вопреки законам природы не сереющая со временем, была намертво влита в железо. Присмотревшись, можно было разглядеть на кости едва заметную надпись на языке человеческой расы, волнистым почерком с сильным наклоном:

«Череп богини Никс. В память о падших в бою с богиней, дабы ее дух вечно помнил одолевших смерть! А мы помнили, кто и во имя чего принес жертву. Чтобы нам было за кого сражаться. За мертвых, нас покинувших, и за живых, нас ненавидящих.

Кристиан Цирас, Анника Цирас – вечная вам память.

В вечном долгу перед вами – Джарт Корхус, Слайт, Люмен, Гарри Уголек».

Кресло одиноко стояло на огромном пустующем балконе и казалось абсолютно здесь неуместным. С балкона открывался вид на потолок, который в мире людей называют небом. Сплошной черный фон был испещрен тусклыми линиями с фиолетовым и зеленым сиянием. Паутина вен обвивала весь потолок до самого горизонта, и лишь по едва заметному сиянию линий можно было разглядеть его.

Не мертвые поля, просто ничто. Пустоши, ровная, покрытая пеплом земля, уходящая в бесконечность. Будто чугунная сковородка, пригоревшая со временем. Лишь изредка можно было наткнуться на чьи-то истлевшие останки или архаичное проржавевшее оружие. Местами потолок нависал угрожающе низко и создавал пугающее впечатление чего-то грозно надвигающегося, неодолимого и необъятного. Казалось, вот-вот нужно будет поднять руки, дабы удержать его от падения.

Башня, откуда открывался столь мрачный вид, располагалась в центре гигантского города. Главный некрополь, Вне, столица мира мертвых. Даже мертвые, умирающие и воскрешаемые заново проклятой магией этого места, теряющие память и обреченные вновь и вновь проходить один и тот же путь безвольного и бесцельного существования, – никто из них не мог вспомнить, кто и почему дал городу это название. Что он имел в виду? Вне времени? Вне жизни? Вне надежды? Все это подходило под описание некрополя. Лорд Слайт шутил,

что по такой логике более подходящее название – Без.

И хотя город казался огромным, еще бо́льшая его часть покоилась под землей. Множественные неосвещаемые уровни, населенные чудовищными созданиями. Катакомбы уходили глубоко вниз, куда существующие на поверхности не совались с незапамятных времен. Если изобразить схему города на пергаменте, он более всего напомнил бы улей или муравейник. Однако точную глубину и протяженность подземных путей никто не знал. Некрополь полон геометрически четких фигур и линий, но не ради симметрии. Отсутствие лишнего прослеживалось во всем. Только вместительные и практичные многоэтажные каменные дома. Ни намек на памятники, фонтаны, магазины. Фабрики, кузницы и мастерские создавали хоть какой-то вид деятельности. Фонарики освещали фиолетовым сиянием совершенно чистые городские улочки. По ним не спеша и бесцельно бродили сутулые фигуры. Времена, когда нужно было куда-то торопиться, остались позади, в прошлых жизнях.

Дворец не подчинялся общей стилистике местной архитектуры. Каждый выступ, каждый элемент кладки и обрамлений был во много раз крупнее, чем в людских городах. Идеально ровное кольцо высоких монолитных стен окружало дворцовую территорию. Эти укрепления были подобны скалам, столь прочными и вечными они казались, хоть и блестели так, будто только вчера великаны составили их из множества исполинских блоков.

Из медленно и монотонно движущегося потока мертвецов выступил некто, выделяющийся своей походкой. Целеустремленной, быстрой, находящейся вне влияния окружающей обстановки. Он направился к решетчатым воротам из вороненой стали в ограде дворца. Столь велики были врата, что макушкой он едва доставал до второго ряда решеток, а рядов было около сотни. При его приближении на воротах засияли руны, освещая его бледную кожу и молочного цвета волосы. Колдовское свечение отражалось в крупных белых глазах с серыми бездушными зрачками. Затронутые разложением мертвецы, полностью истлевшие скелеты, существование в которых поддерживается лишь законами этого мира, духи, привидения, разнообразные монстры всех форм и размеров, населяющие это место, имели мало общего с этим существом, столь сильно похожим на настоящую, живую женщину.

Руны вспыхнули с новой силой, и воздух разрезал оглушительный скрежет отпираемых врат. Женщина проскользнула в образовавшийся проем и направилась к единственному входу. Она проходила мимо деревьев, скамеек и

лужаек, однако все они были отлиты из стали и являлись не более чем произведением искусства. Нелепой попыткой воссоздать мир из прошлой жизни здешних обитателей. Труп исполинских размеров сторожил проход. Он лишь слегка надавил пальцем, размером с человеческого ребенка, и створки дворца отворились. Внутри, как и снаружи, царил гигантизм. Потолок уходил далеко вверх и растворялся в темноте. Углубления в стенах напоминали узкие высокие окна готических соборов, а симметрично расставленные колдовские фонарики освещали зеленым и фиолетовым светом пол из темно-зеленого камня, похожего на змеевик.

Лестница, ведущая наверх, также предназначалась для более крупных, нежели люди, существ. Ступени доходили бледной женщине до пояса, но, несмотря на это, она без труда запрыгивала на них и, казалось, совсем не уставала. На пути к башне пришлось преодолеть не одну сотню ступеней, но она ни на секунду не сбавила темпа и, забравшись на последнюю с тем же отсутствующим, ничего не выражающим лицом, направилась к единственной двери.

Внутри ее ждала знакомая, изученная сотни раз обстановка. Но она все равно задержалась, оглядывая помещение. Трудно было найти на стене место, не занятое картиной или оружейной стойкой. Потолок, расписанный в мельчайших деталях, являлся копией человеческого неба. С одной стороны комнаты «всходило солнце», и эта часть была яркой, светлой, полной легких перистых облаков. Другая же часть отражала ночь, и в симметрично противоположной солнцу точке сияла луна. Множество столов полнились приборами и ремесленными инструментами. Тут можно было встретить и полный набор алхимика от простейшей ступки до кальцинаторов разных размеров, и верстаки, и даже ткацкий станок. Высокий многоуровневый шкаф был до отказа забит книгами на разных языках. Женщина вытащила из наплечной сумки толстый фолиант в золотистом переплете и вернула его на место. «Водоворот», раздел скрытой истории, автор – Люмен.

Она ожидала своего повелителя, ибо лорд Слайт всегда знал о ее приходе заранее. Впервые за десятилетие ее не встретили предложением выпить чай, не потребовали поделиться впечатлениями о прочитанной книге. Женщина осмотрела шкаф. Десятки, а может, и сотни книг уже были ею изучены. И каждый раз она обсуждала их с повелителем, но сейчас что-то было не так.

Она позволила себе пройти по коридору, ведущему на балкон, в ожидании застать его в своем любимом кресле, погруженного в тягостные думы... но и оно

пустовало. Вдруг потолок-небо этого мира озарила вспышка, и новая цепь молний разорвала фон, заливая улицы зеленым светом. Мертвецы во всех концах города синхронно подняли взгляд вверх. Затем последовал раскат, но не подобный грохоту грома, а скорее напоминающий скрип ветхой двери.

В шаге от женщины внезапно образовался темный овал портала. Завихрения первородной тьмы опоясывали его границы и, словно плотный дым, скрывали происходящее по ту сторону. Однако сквозь пелену виднелись цвета: красные, желтые. Цвета пламени. Из портала пахло жаром, и повелитель ужаса неуклюже вылетел оттуда, ударившись всем телом о стену и упав на пол. Портал тут же закрылся, а темные завихрения растаяли.

Существо, похожее на женщину, впервые за многие годы стояло в полном непонимании происходящего. От ее повелителя, от лорда Слайта – бога, владыки мира мертвых, от существа, чью силу, по ее убеждению, было невозможно измерить, сейчас веяло лишь дымом и кровью. Лицо выражало боль и усталость, как у простого смертного. Его мантия была разорвана в нескольких местах, открыв глубокие, очень опасные раны. Ткань на рукавах прожжена, а ладони покрыты волдырями ожогов. Но, несмотря на повреждения, повелитель тьмы поднялся с пола.

Легкий поворот руки – и чарующий шепот сорвался с его губ, а потолок заискрился с новой силой. В тот же миг пропадины на его мантии затянулись, как и скрытые под ними раны, а запах дыма полностью исчез. Но взгляд оставался усталым и обеспокоенным. Она никогда не видела своего владыку в хотя бы приблизительно похожем состоянии. В часы неспешных бесед его взгляд излучал спокойствие и легкую надменность, словно он знал то, что никому не доступно. В иное время он позволял показаться озорным искоркам, и фиолетовые вкрапинки в его зрачках становились отчетливее. Иногда под спудом необъятных знаний и недостижимого для живых самоконтроля на мгновения прослеживалась тяжесть, лежащая на его плечах. Он был богом, он мог многое, если не всё. Но все же Слайт являлся человеком, единственным живым в мире мертвых, единственным способным нести эту ношу, которая для любого другого стала бы невыносимым, сводящим с ума проклятием.

Но сейчас она видела перед собой усталого человека, не на шутку встревоженного, и от этого ей самой становилось не по себе. Она и представить не могла, что за силы способны вывести бога из равновесия.

– Меланта... – Слайт хотел продолжить, но поперхнулся скопившейся от дыма горечью.

– Да, мой лорд. Что произошло?

– Так... – небрежно махнул рукой Слайт. – Заходил на чай к бывшему другу. И как-то беседа не задалась.

Слайт плюхнулся в кресло, положив голову в углубление, и тяжело вздохнул. Меланта простояла около часа, преданно ожидая продолжения.

– Знаешь. Двадцать лет назад. Я проходил через мир Якши.

– Мир архонтов?

– Верно. – Слайт специально делал паузы, позволяя Меланте вставить уточнение. – Я, наверное, задел там пару местных достопримечательностей. Возможно, даже убил кого-то нечаянно. Знаешь, как бывает – заклинание туда, заклинание сюда... Понарожают орду, куда ни пульнешь – в кого-нибудь да прилетит. А они ж ранимые. Как дети. Надменность, порождаемая иллюзией знаний, требует защищать самооценку. Вот и затаили они обиду.

– Вы разговаривали с архонтами?

– Нет. Архонты тут ни при чем. – Прошла еще бездна времени, прежде чем Слайт продолжил: – Знаешь. Я очень часто вставал перед выбором. Разрушить ветхое здание и построить новое или пытаться отремонтировать старый фундамент. Он мне надоел. Я не знаю, какой путь верный, но по пути разрушения я пошел в прошлый раз. Ради разнообразия в этот раз мы попытаемся пройти тропой спасения. Ненавижу дважды ходить одной дорогой.

– Я вас не понимаю.

– И не надо этим заниматься. В конце концов, важны будут лишь последствия наших поступков и решений. Всем будет глубоко наплевать на их мотивы. – Слайт тяжело поднялся и задержал взгляд на надписи. В его лице промелькнула новая, доселе невиданная Мелантой эмоция, и она не смогла ту

охарактеризовать. – Тебе надо будет найти одного человека. Отдать долги.

Слайт сделал легкий пасс пальцами, и кожа Меланты приобрела здоровый, человеческий оттенок, волосы потемнели, а радужки глаз окрасились в карий цвет.

– А еще говорят, дважды в одну реку не войдешь... Где твой брат?

– Герберт пропал. Я думаю, он прошел через портал.

– Какая досада, – сухо заметил Слайт, но теперь Меланта отчетливо определила его состояние. Эта невидимая улыбка, когда губы не двигались, однако глаза говорили о триумфе... Меланта видела такой взгляд десятки раз, при игре в шахматы или в долгих спорах. В те моменты, когда капкан повелителя захлопывался и она понимала, что ее уверенность в своих силах – не более чем уловка его гамбита. Любые эмоции на лице повелителя были почти незаметны, но после двадцати лет постоянных свиданий она видела их отчетливо.

Слайт не спеша отправился к краю балкона и устало положил подбородок на высокие перила. Меланта последовала за ним.

– У людей есть такая традиция. У людей... – усмехнулся Слайт. – Знаешь, я говорил о людях, будто не являюсь представителем человеческого рода, еще задолго до того как взял на себя эту роль... Так вот, у людей есть традиция – присесть на дорожку перед дальним путешествием. Проверить собранное в поход имущество. Подумать напоследок. Подготовиться.

– К чему подготовиться?

Лицо Слайта на мгновение ужесточилось и преисполнилось решимости, а линии в потолке запульсировали, сменив зеленые оттенки на фиолетовые. Вкрапинки в глазах также вспыхнули, будто миниатюрные светлячки. Он выпрямился и вздохнул полной грудью. Тысячи мертвецов по всему городу переглянулись, почувствовав перемены.

– К реваншу.

Часть первая

Отплытие

Глава 1

Шестой круг

24-й год эры объединения. Первый день осени.

Арзамас – чародейский остров. Университет магов. Подвал

Плотный мрак сухого подвала нарушали лишь тонкие полоски света, пробивающиеся через щели дубовой двери. В царящем безмолвии едва слышались шаги босых ног по каменному полу. Децимус бродил в темноте, размышляя на ходу и изредка позволяя воображению создать иллюзорного собеседника. Он был подобен сумасшедшему, вечно говорящему с самим собой. Иногда присаживался на пол, прислоняясь к холодной грубой стене. В такие моменты он пытался вспомнить, понять, что же ускользает от его взора, найти недостающий кусочек мозаики. Как только новая идея или ответ приходили в голову, поднимался и вновь маячил по подвалу, упорядочивая мысли, приводя их в понятную и удобную для незримого собеседника форму...

Децимус замер, прислушиваясь к внезапно возникшему шуму. Шорох сандалий, шаркающих по каменному полу, и звон ключей казались оглушительно громкими после многих часов тишины. Гость нерешительно замер перед дверью, и прошло около минуты, прежде чем он осмелился зайти. В проеме показался юноша в робе ученика, а маленький переносной светильник в его руках затрепетал в тщетной попытке разогнать темноту. Легкая темная мантия без рукавов. Стандартная одежда всех первокурсников.

– Что случилось? – сухо поинтересовался Децимус, щурясь от бьющего по глазам света.

– Лекция в главный аудитории, явка для всех обязательна, – четко отрапортовал юноша заготовленной тирадой. Услышав незнакомый голос, аналитический ум Децимуса махом принялся составлять портрет новой личности. Осанка ровная, голова слегка опущена, кожа светлая, тело крепкое. Из чего Децимус заключил, что перед ним простой мальчишка, из бедной семьи, с севера. В четкой речи прослеживалось некое волнение. Без сомнения, он передал послание слово в слово. Исполнительный, трудолюбивый. Каждый ученик, особенно на начальном курсе, выполнял ряд бытовых задач. На службе это называют нарядами, здесь же – вольной работой.

Идиотская трактовка, обусловленная тем, что любой может отказаться от ее выполнения. Только вот смельчаков озвучить отказ, как правило, не наблюдалось. Вольные работы включали в себя любую деятельность средней прислуги, от чистки картофеля до уборки казарменных помещений. А вот почетную должность надсмотрщика кому попало не давали. Децимусу было интересно, чем мальчик ее заслужил. В иной раз он предположил бы, что перед ним очередной лизоблюд, выпросивший столь уважаемое вакантное место далеко не благородным путем. Но слишком простым и читаемым было лицо юноши, чтобы делать подобные выводы.

– Новенький?

– Да. Я первый месяц в университете, а сюда поставили только вчера.

Децимус кивнул. Идеи, как использовать юношу, уже роились в его голове, но для начала следовало войти в доверие. Децимус не являлся мастаком по части красноречия, зато прекрасно знал другие, более тонкие и слегка пугающие методы.

– Ты уверен, что данный приказ распространяется на меня тоже? Я нахожу свое пребывание здесь крайне продуктивным. Едва ли магистры заметят мое отсутствие.

– Магистр Таламон дал четкие указания. Вас он также упоминал отдельно. После лекции вам надлежит вернуться сюда и продолжить отбывать наказание, – протараторил ученик.

– Ты что, репетировал? – усмехнулся Децимус. – Как твое имя?

- Ученик первого курса Замон Юнциус.

- Замон. Ты знаешь, кто я такой?

- Нет. Мне сказали лишь, что вы как муха в супе, что у вас переизбыток мозгов и дурной характер.

Децимус громко расхохотался, и от эха, прокатившегося по подземелью, у ученика пробежали мурашки.

- Это все?

- Ну, все остальное лишь слухи...

- А ты не веришь слухам?

- Я не верю их распространителям.

Децимус удовлетворенно кивнул. Юноша имел в виду группу начинающих волшебников, обучающихся преимущественно на третьем и четвертом курсе. В те годы в Арзамас поступило множество учеников из влиятельных и богатых семей, что возымело очевидные последствия. Откуда ни возьмись в кабинетах некоторых деканов стали появляться дорогие артефакты, а университет начал постепенно проводить реставрацию помещений. Богатые детишки быстро сколотили вокруг себя целую группировку, ведь дружба с подобным отпрыском могла дать небывалые перспективы. Волшебник – это редкость. На тысячу человек около десятка обладают даром, но лишь единицы смогут правильно его развить. Но, несмотря на это, у магов не так много жизненных путей. Золотоносные места – близ правителей или в каких-то особо важных исследованиях – давно заняты. А в одиночку осуществлять деятельность магам не рекомендуется ввиду жесткого контроля со стороны юстициаров. Потому возможность сразу по окончании учебы устроиться в престижное место не могла не привлекать. Тем не менее юношу это не волновало. Более того, в его интонации слышались нотки презрения. Децимус понимал, что к сельскому мальчишке однокурсники, с детства привыкшие к собственной детской спальне и услужливой домовихе, относиться будут как к отбросу. Такие люди уже из факта своего происхождения ставят себя выше других.

– Ты не против, если я на обратном пути прихвачу лампу и пару книжек?

– Нет, сэр, это исключено. Наказанным запрещено брать в камеру какие-либо вещи, кро...

– Замон! – прервал юношу маг, резко отреагировав на подобное обращение. – Тебе сказали, что я не самый простой маг на этом острове. Но не пояснили, что при желании я могу выйти отсюда в любой момент.

Узник понизил тембр голоса, и легкие вибрации отразились от стен, создавая резонанс. Он вновь расхохотался, видя реакцию Замона, которому явно было не до смеха.

– Чувствуешь? Она близко...

Ученик не узнал голос мага, решив, что в комнате есть кто-то третий. Теперь это был холодный, пугающий шепот. Тихий, медленный, словно не спеша ползущая к жертве змея. То ли от магических способностей Децимуса, то ли от акустики помещения, но юноше казалось, будто шепот раздается в его собственной голове. Тьма окружала, сковывала движения, сжимала внутренности. Замон застыл, парализованный страхом. Вдруг Децимус резко вырос в свете факела: от неожиданности Замон отпрянул назад и, зацепившись об порог, грохнулся на мягкое место, заработав неприятный ушиб. Децимус протянул юноше руку и помог подняться. Тот принял помощь, скорее не по необходимости, а чтобы не злить отказом узника. В свете факелов Замон смог внимательнее его осмотреть.

Официально Децимус не являлся магом. Он носил такую же робу, как и сам Замон. С той лишь разницей, что на его поясе были вышиты шесть белых полос. Значит, он находился на шестом, последнем курсе обучения.

– Это долгая история, – сказал Децимус, заметив, на чем сконцентрировано внимание ученика.

Ученики получают базовые знания на первом и втором курсе. После этого они уже имеют право выбирать свой путь, отдавая предпочтение конкретному магическому направлению. Как правило, на четвертом курсе все ученики принимают окончательное решение. На пятом их ожидает церемония

посвящения, на которой они дают клятвы и проходят испытания, навсегда связывающие их с определенной стихией. Выбор не только открывает новые возможности, но и влияет на ход мыслей, на характер и поведение. Величина изменений зависит от силы воли, магического таланта, предрасположенности и многих личностных факторов. Пироманты, будучи властелинами пламени, известны диким, неукротимым нравом. Ветрогоны страдают от резких перепадов настроения, геоманты непоколебимы и упрямы. Если ученик выживает, его считают полноценным магом, но в университете он все равно числится как учащийся и должен остаться еще на один год.

Шестой год обучения – самый опасный. Маги, чья воля дала слабину, на испытаниях поддаются силе, которой они присягали. Маг или справляется со своими демонами, берет их под контроль и подчиняет силу, либо она начинает управлять им. Маги шестого курса живут отдельно, под наблюдением специально обученных стражей-юстициаров, специалистов по борьбе с магами. Как правило, каждый четвертый маг погибает на испытании, и каждый четвертый из прошедших убивается стражами.

Пироманты носили яркую одежду красных, желтых или рыжих цветов или имели эти цвета в своей одежде хотя бы частично. Манжеты и полы мантии украшали узоры языков пламени. Гидроманты, идущие по пути созидания, носили темно-синие цвета, и рисунки морских волн красовались на рукавах и поясе. Гидроманты пути разрушения носили голубые цвета, реже – белые, в зависимости от конкретных направлений. Роба же Децимуса не имела опознавательных знаков, следовательно, он каким-то образом остался в чине ученика, будучи на последнем курсе обучения.

На первый взгляд Децимус не отличался от общего стереотипа волшебника, торчащего лучшие годы жизни в башне или на раскопках. Результатом затворнической жизни являлась нездорово бледная кожа. Однако по габаритам он превосходил Замона; широкие плечи и руки, явно способные удерживать нечто потяжелее книг, выделяли его из общей массы тощих магов.

Тонкие полосы губ были очень плотно сжаты, будто он боялся сказать лишнего. Черные спутанные волосы почти полностью скрывали уши. Узкий подбородок покрывала небольшая небрежная бородка. В сочетании с тонким аккуратным носом и узкими бровями обликом Децимус напоминал благородного графа в худшие годы своей жизни. На лице не отражалось эмоций, лишь подвижные маленькие ярко-зеленые глаза указывали на бурную деятельность сознания.

- Тебе не сказали, как освободилась эта должность? - шутливо спросил Децимус.

- Н-н-нет, сэр... А как... Как вы это делаете? - Юноша был напуган, а значит, первая часть плана сработала. Осталось закинуть наживку, заинтересовать.

- Ты про голосовые манипуляции? Хочешь научиться? - утвердительно спросил Децимус, приблизившись вплотную.

- Да, - мгновенно ответил Замон под напорающим взглядом.

Децимус наигранно зевнул, стараясь снять создавшееся напряжение.

- Ну почему бы и нет... У тебя есть доступ в библиотеку?

- Да.

- Мне нужен какой-нибудь справочник по местным растениям. Сможешь достать к вечеру? И лампу тоже не помешало бы.

- И вы станете меня учить?

- Если ты умеешь держать язык за зубами, то и не только этому. Там нет ничего сложного... Но об этом после. Я полагаю, пора отправиться на лекцию, пока тебе не сделали втык за мое опоздание.

Замон кивнул, и они направились к ведущей вверх винтовой лестнице. Юноша семенил впереди, то и дело оглядываясь и явно опасаясь своего нового знакомого. Вдоль коридора было множество ответвлений в заполненные складские помещения. Децимус прекрасно знал о хранящихся там продуктах. По ночам он спокойно выбирался из заточения и разбавлял свой рацион припасами университета.

Центральный двор университета поражал буйством красок. Ярко-зеленые, пышущие жизнью лужайки покрывали все пространство, но не вступали на территорию тропинок и монументов. Маленькие фонтанчики из редких

полупрозрачных минералов, добываемых в далеких краях, окружали клумбы с различными диковинными растениями. Многие цветы превышали высоту человеческого роста. Они покачивались, тянулись к прохожим, словно разумные существа, – какими они, возможно, и были. Входы сторожили массивные големы, бездушные создания, слепо исполняющие свои охранные функции. Замерев, будто статуи, они безмолвно наблюдали за порядком, в любой момент готовые активизироваться и встать на стражу Арзамаса. Скамейки украшала изысканная руническая резьба, а вдоль дорожек стояли воткнутые в землю фонарики. Внутри каждого из них покоился мелоновый кристалл. Днем он впитывал в себя энергию, накапливал солнечный свет, а ночью сиял, заливая двор золотистым свечением. Границы парка создавали стройные ряды молодых деревьев, которые находились явно не в своей природной зоне. Несколько учеников, вооружившись метлами, активно поддерживали чистоту. Яркость представленной здесь цветовой палитры захватывала дух. К сожалению, лишь немногие имели право увидеть Арзамас с его чудесами.

Замон озирался по сторонам, еще не привыкнув к местным красотам, а вот Децимус не обращал никакого внимания на окружающий мир, целиком поглощенный собственными мыслями. Через несколько минут перед ними предстало центральное здание. Когда-то оно и было самим университетом, но вследствие развития магического искусства потребовались ощутимые расширения. Теперь на острове находился целый комплекс уникальных построек.

Главное здание напоминало скорее небольшой замок, нежели учебное заведение. Множество надстроек, каменная кладка, высокие полуовальные двери, круглые окна. В центре возвышалась башня архимага, самая высокая точка Арзамаса. С нее открывался вид на весь остров во всем его великолепии. С одной стороны бескрайний океан, с другой – ровная береговая полоса залива Медеи, чуть прикрытая местным пролеском. Остров можно было обойти за час неспешным шагом. Но если останавливаться у каждой диковины, то не хватит и недели. Здесь находился крупный музей особых археологических находок, в теплицах выращивали редчайшие растения, а в специально оборудованных загонах держали редких птиц и животных, многие из которых были известны большинству людей лишь по сказкам и легендам. Крупное здание полусферической формы являлось обсерваторией со сложнейшими приборами для изучения звездного неба. Учебные корпуса сами по себе были уникальны. Каждый из них являлся и библиотекой, и местом практических занятий. Так, алхимический корпус включал в себя лаборатории, битком забитые склянками, ретортами, перегонными кубами и прочими нужными для зельеварения

приборами. Там же и небольшая библиотека со всевозможными справочниками по растениям и различными алхимическими трактатами. В подвале корпуса хранились в засушенном виде редкие ингредиенты.

Децимус бодро взбежал по парадной лестнице, небрежно махнув рукой охраняющим вход статуям. Над высокими полуовальными дверями слегка выступали огромные песочные часы с делениями. Полный переворот осуществлялся двадцать четыре раза в сутки, и благодаря часам ученики могли сориентироваться во времени и успеть на нужное занятие.

Если снаружи чувствовался почтенный возраст здания, то внутри это ощущение исчезало. Маги за последние годы провели полнейшую реконструкцию. От пола до потолка все радовало взгляд. Расписные ковры покрывали пол, а стены пестрели картинами в богато украшенных рамах. На них в хронологическом порядке изображались важнейшие для магии исторические события. Огромные люстры в форме шестиугольной звезды свисали с высокого потолка. Свечи на люстрах, а также на вмонтированных в стены светильниках зажигались по щелчку пальцев дежурного мага и горели голубым пламенем. Круг на полу в центре зала украшала огромная пентаграмма. Из мелонового кристалла, расположенного в ее центре, отходили пять линий разных цветов, сопровождающихся соответствующими символами. По одному витку на каждое магическое направление. Свет, огонь, вода, земля, воздух. Многие ветви расходились. Так, например, путь воздуха распадался на ветер и молнии: на ветрогонов и «взжиков», как их называл Децимус. Он знал, что аналогичный символ в Аркануме имел восемь путей. Пустынники или прошли дальше по пути знания, или же не скрывали полученной информации, как это любили делать в империи. Децимус хорошо знал эти нюансы, изучая одни и те же исторические эпизоды из разных источников.

– Проклятье. Лекция уже началась.

– Не переживай. Едва ли там скажут что-то полезное. – Маг подошел к двери и потянулся к ручке.

– Стой!.. Стойте. Нас же не пустят. Еще и по голове получим: и за опоздание, и за...

– Не бойся. Если будут придирааться, скажу, что ты меня задержал, – ехидно улыбнулся Децимус и открыл дверь.

– Э-э-эй!.. – выпучил глаза Замон.

Огромный лекционный зал с легкостью вмещал всех учеников университета. Купольный потолок создавал ощущение большого объема, и зал казался намного вместительнее, чем был на самом деле. Выступающий запнулся, отвлекшись на грохот закрываемой двери, и сотня магов и учеников обернулись – взглянуть на виновников шума. Покрасневший Замон был готов провалиться от стыда. Он бросил в спину Децимуса ненавидящий взгляд, будучи уверенным, что тот специально грохнул дверь. Сам маг искал глазами свободное место. Замон не мог не заметить на лицах многих учащихся ярко выраженную неприязнь к Децимусу. Некоторые глядели с открытой ненавистью, а кто-то поспешно, боязливо отворачивался.

В первых рядах, как правило, садились первокурсники, далее второкурсники и так по возрастанию, хотя четкого указания, кому где сидеть на лекциях, не существовало. Однако одна второкурсница в робе ученика того же цвета, что и Замон, сидела в последнем ряду, отдельно от своей группы. Маг направился именно туда, а Замон поспешно засеменял следом.

Приблизившись к девушке, Замон тут же ее узнал. Сотня учеников – это немного, а когда живешь с ними под одной крышей и видишься каждый день, они запоминаются очень быстро. А единственную акалийку в Арзамасе каждый запоминал с первого взгляда. Темная кожа и ярко-белые распущенные волосы, нехарактерные для ее народа. Острые черты лица и неестественно большие для человеческого восприятия глаза с фиолетовой радужкой и темными зрачками. При первой встрече Замон жутко перепугался, ведь в обычной имперской деревушке едва ли можно встретить представителя иной расы. Акали – народ, населяющий северо-восточное побережье далеко за границами империи. По законам Арзамаса он был открыт для всех одаренных детей, вне зависимости от их происхождения. Тем не менее девушка явно чувствовала себя изгоем и держалась особняком.

– Здравствуй, Кетани. Что у нас на повестке дня? – приветственно произнес Децимус, плюхнувшись рядом с ученицей.

– Децимус... Ради предков: не так громко. – Девушка бросила в его сторону раздраженный взгляд.

– Я толь...

– Чшш... – Кетани резко развернулась к Децимусу. Тот жестом показал, что закрыл рот на замок, и сосредоточился на лекции.

Основная ее часть, посвященная, как потом узнал Децимус, сильнейшим волшебникам столетия, подходила к концу. Сейчас лектор рассказывал о Гарри Уголке. Знаменитую сказку, перевернутую за долгие годы сотни раз. О пироманте с запредельной колдовской мощью. Большая часть старшекурсников считала подобные рассказы выдумкой, а вот начинающие ученики слушали с упоением, мечтая тоже когда-нибудь сжигать своих врагов движением пальца.

– ...впоследствии назовут аврским катаклизмом. Сведения о событиях, которые я опишу далее, собраны по частям из рассказов местных жителей и выживших членов экспедиции, а именно – ныне покойного чародея Амодея Виктуса, некогда моего хорошего друга.

Итак. После захода солнца к воротам дворца подошел молодой человек и представился как Гарри. Только имя, без титула и фамилии. У него были красные с желтыми прядями волосы. Золотистые глаза и сильно загорелая кожа. Гарри сказал, что его дневник похитили и он никого не тронет, если ему немедленно вернут украденное. Юноша произвел на стражников должное впечатление, и они под конвоем привели его прямо во дворец. В этот момент в тронном зале как раз проходило пиршество, на котором присутствовала местная знать. Королева пыталась поговорить с юношей, но он лишь твердил о пропавшей книге, о том, что она находится во дворце. Внешне он старался ничем не отличаться от людей, но Амодей почувствовал в нем мощнейший магический потенциал, однако свою волю тот концентрировал именно на погашении своих способностей. Гарри время от времени подергивался и дрожал, но не как от холода, а как дрожат, к примеру, от переполняющей их ярости. Амодей понял, что пылающая книга, найденная на днях магами в выжженной пещере, и есть украденный дневник, а юноша – совсем не обычный человек. Но старый чародей, к сожалению, так и не успел вернуть дневник владельцу. Конфликт произошел раньше. Авры не славились покладистым нравом, а дерзкие ответы Гарри, причем в присутствии королевской семьи, вывели их из себя. Один из

телохранителей подошел сзади и нанес ему легкий удар по затылку. Это была первая фатальная ошибка. Осенняя прохлада в считанные секунды превратилась в настоящее пекло, в сравнении с которым зной пустыни Нахаби покажется нам ледяной вьюгой. И это не было особым заклинанием, о котором я рассказывал ранее. И не какой-то магический фокус или божественная воля. Гарри не колдовал, он просто перестал себя сдерживать. Нагнетание подобных температур, видимо, было для него естественным, как для нас – дышать воздухом.

Стражники, почуяв неладное, бросились к Гарри, но было поздно. Ни один из них не смог нанести удар, они падали, не доходя до цели. Жар рядом с юношей был столь сильным, что ткань их одежды буквально вспыхивала. Кожа начинала тлеть, медленно сползая и обнажая белые кости, кото...

– Ыхм!.. – прервал лектора сидящий в углу волшебник. Магистр Таламон, мастер геомантии, явно считал, что такие подробности ни к чему подрастающему поколению.

– ...в общем, обойдусь без красочных описаний. Гарри просто пошел за книгой, он не уделял никакого внимания умирающим вокруг людям. Шел по коридорам, оставляя за собой черный след, обугленные картины и горящую мебель. Этаж за этажом превращая в пепелище некогда прекрасный дворец. Маги успели подготовить ловушку, они ждали его в комнате с книгой и собирались нанести удар все одновременно. Гарри подошел к запертой двери и расплавил замок. Войдя внутрь, он оказался под градом магических ударов. Когда остатки заклятий развеялись, маги поняли, что это была вторая, и для них – последняя, фатальная ошибка.

Среди полнейшей разрухи, учиненной множеством мощнейших заклинаний, способных убить десятки людей, стоял Гарри, опираясь на стену, испещренную магическими ударами, – видимо, какие-то заклинания все же произвели эффект. Он выглядел как сущий кошмар. Волосы стали пламенем, в глазах пылала безумная ярость, кожа почернела, словно уголь. Заметив это, маги вновь начали атаку, но было поздно. Гарри шагнул вперед, и сгусток чистого пламени встретил пущенные ему навстречу заклятия. Они буквально растаяли, расплавились в воздухе, а пламя ринулось дальше. Испепелив нескольких магов по пути, разрушило стену за ними. Не успели уцелевшие волшебники прийти в себя, как конус еще более жаркого пламени рванулся к ним. Амодей выпрыгнул в окно, и огненные языки лишь слегка зацепили его мантию, а остальные

волшебники были испепелены заживо.

Из горящего дворца выбегали люди, на центральной площади началась паника. Дым, вперемешку с огнем, валил из окон на этажах, где проходил Гарри. И вдруг в одно мгновение все прекратилось. Пламя погасло, словно его присыпали песком. Люди на площади не успели обрадоваться, как произошло нечто невообразимое. Из всех окон, дверей, всевозможных щелей дворца ударило пламя, разом, с невероятной силой. Это было подобно взрыву вулкана. Словно неуправляемый огненный источник вспыхнул внутри или разом воспламенился гигантский склад горючих масел! Пламя било на протяжении нескольких секунд, а потом дворец начал разваливаться. Но на этом бедствия не закончились. Из окна рушащегося здания вылетел сгусток пламени и угодил в жилой дом напротив, практически разрушив его до основания. Через несколько мгновений дом загорелся, а из пламени возник... Эх, жаль, нет у меня того рисунка... Представьте птицу, представьте дракона, представьте помесь этих видов: все это чудо – размером с одноэтажный дом и целиком состоит из огня. Этаким крылатый летучий костер.

Затем это создание спалило половину Йонмена и улетело. Очевидцы говорят, что перед отлетом чудовище разгребало руины дворца, словно что-то искало. Я думаю, оно искало пылающий фолиант. Вот и все.

Историк осмотрел аудиторию. Впервые за последние два часа зал слушал его затаив дыхание.

– И больше его не видели?

– Только слухи да кабацкие байки. О парящей в небе огненной птице, человеке, оставляющем за собой выжженную землю, и прочее в этом духе. – Историк обвел глазами зал. Многие тянули руки, и он совершенно не собирался отвечать на эти вопросы, потому как на большинство из них ответа у него и не было. – Так, тема Уголька закрыта.

– А Архипредатель Слайт? – крикнул из зала ученик.

– Что «Архипредатель Слайт»?.. – Историк обреченно вздохнул, поднимая взгляд к потолку. Пожалуй, худшая тема, которую можно было затронуть. Он начинал тосковать о временах, когда проклятое имя боялись произносить даже шепотом.

– Вы ведь его лично видели при Деоне?!

– Это не лучш... – Но в зале уже поднялся протестующий шум. Со всех рядов звучали просьбы рассказать подробнее об Архипредателе. Спустя десятилетия после мора юное поколение смотрит на события тех дней больше с любопытством, нежели с ужасом. Попытаться успокоить зал было бессмысленно. Историк бросил умоляющий взгляд на магистра Таламона, сидящего в уголке и наблюдающего за порядком проведения лекции. Но тот лишь пожал плечами и одобрительно кивнул. Историк судорожно вздохнул. Его ожидало путешествие в одно из самых ярких и пугающих воспоминаний своей жизни.

– Все-все-все... Тише. Расскажу о разрушении Деона, не более. Меня не было в самом городе в тот роковой момент, но я общался с уцелевшими.

Все в зале уловили смену интонации историка. Теперь он не просто сухо пересказывал или зачитывал информацию. Сейчас он делился своими воспоминаниями. Голос стал тише, речь медленнее, а взгляд, направленный обычно на слушателей, теперь был устремлен куда-то выше, над их головами.

– Итак. Это случилось двадцать девять лет назад. Это событие не стали вписывать в учебник общей истории ввиду его неоднозначности. И да простят меня академики за эту речь, но правда всегда имеет право быть услышанной. Многие до сих пор задаются вопросом, что произошло, если бы мы приняли условия договора. Это был первый случай, когда нечисть пошла на переговоры. До этого легион мертвецов занимался лишь тотальным уничтожением всего на своем пути. Только после разрушения Деона Слайту дали это прозвище: Архипредатель. Раньше можно было услышать: некромант, кошмар Саркарусса, черномаг, глашатай смерти и множество других подобных прозвищ. Мы расположились недалеко от Деона, столицы Иртании, прекрасной зеленой страны, стертой с карт навсегда. Сейчас ее бывшие территории являются частью мертвой зоны и границы строго охраняются паладинами и юстициарами. А тогда мы собирали виноград на ягодных полях и вдыхали аромат цветочных лугов. Настоящий пир для начинающего ботаника: именно в Иртании я работал над своей первой книгой, посвященной травам западного края. С нами был небольшой гарнизон солдат Деона, отобранных лично Джавелин, и, заранее оборудовав лагерь, мы ждали вечера. Никто из нас не спал. Я не мог заставить себя даже съесть кусок хлеба и к моменту встречи чувствовал себя коровой, которую ведут на бойню. Джавелин пошутила: мол, у плохого солдата перед

боем всегда понос, и ответить мне было нечем.

Назначенное место располагалось в широком каньоне, исключаящем возможность засады, однако мы все равно принимали всевозможные меры безопасности. Разведчики были разосланы по периметру и контролировали огромную площадь. Слайт согласился с рядом выдвигаемых нами условий касательно обеспечения безопасности. Все мы опасались ловушки. Однако слишком могущественным казался наш враг, чтобы идти на такую тонкую хитрость ради захвата пары-другой не самых важных господ. На встречу отправились сэр Андерс, лорд, паладин ордена Белой Лилии; Джавелин, командующая гарнизоном Деона, правая рука наместника; Бемонциус, старший священник собора Святого Люмоса и по факту истинный руководитель Деона. Меня же взяли как единственного волшебника, оказавшегося на тот момент в пределах города.

Надо напомнить, что все маги, купцы и представители других слоев общества, не привязанные к Иртании, с приближением мора поспешили ретироваться южнее, в безопасные районы. Лишь по случайности меня занесло в Деон, и я проклинал все на свете, когда меня поймали и силой заставили присутствовать на совете. Сами понимаете, выбор волшебника невелик, а в те времена все было еще строже...

Холодок закрался в мое сердце, а кожа покрылась мурашками, и уже через секунду перед нами прямо из воздуха возник некромант. Я никогда не сталкивался с такой искусной телепортацией. Без слов подготовки, без лишних жестов и подручных средств Слайт просто исчезал и появлялся в облаке черного тумана. И как уже потом выяснилось, он мог оставлять вместо себя иллюзию, теневую копию или, что еще хуже, оставаться на месте и вызывать копию в другом месте или даже несколько копий. Сильный волшебник без труда разобрался бы, где Слайт настоящий, но всех остальных подобные фокусы вводили в заблуждение. Мы могли предположить, что это феноменальный уровень владения невербальными заклятиями, но все это лишь догадки.

Слайт встретил нас в одиночку. Я навсегда запомнил момент, когда впервые увидел этого... позволю себе назвать его человеком.

Волшебник выдержал длинную паузу. Он обдумывал, что конкретно стоит рассказывать, а что лучше оставить при себе. Но, видя замороженные лица учеников, решился. В конце концов, вряд ли ему кто-то посмеет навредить за

разглашение лишнего.

– Большинство из вас читало о событиях тех лет, многие слышали рассказы от родителей, у кого они остались. Но мы жили. Там. И едва ли я могу словами описать всю чудовищность происходящего. Вся нечисть, от вурдалаков до самых разных монстров, каких только можно вообразить, все, о ком вы слышали из страшных сказок и стариковских баек, сплотились в одну могучую силу и сносили все на своем пути. Они не просто уничтожали города, они захватывали их и обращали жителей в себе подобных. Крупные центры становились огромными некрополями. Смерть, словно болезнь, поражала и людей, и здания, и даже природу. На захваченных нежитью землях умирали леса, портилась вода. Животные старались уходить в еще не зараженные распадом места. За кратчайшие сроки земли, охваченные тьмой, из цветущих краев превращались в черную пустыню смерти. Жители повально бежали в южные регионы, распространяя вокруг себя панику.

Но всей темной армией руководило одно существо. И это был вовсе не ужасный лич, оно было человеком, таким же, как и мы с вами. Конечно, стоит вспомнить и Деймоса, который некогда был достойнейшим воином, носившим самый прославленный титул из всех существующих. Никто не знает, почему бывший чемпион человечества перешел на сторону злейшего врага. Чего я только не навывдумывал о его внешности перед встречей!.. Никто из нас не видел Слайта воочию, а рассказы уцелевших были слишком сильно отравлены страхом, чтобы получить внятный портрет. Внешне Слайт ничем не отличался от жителей Саркарусса – города, где, как мы полагаем, и родился некромант. Мрачное, сырое место на севере, с отвратительным климатом. Жители тех краев выделялись бледным цветом кожи ввиду вечно пасмурного неба и скудного питания. Слайт носил темную мантию, которая будто впитывала в себя окружающий свет. Вечернее солнце, казалось, отказывается освещать его фигуру. Высокий, стройный. Черные волосы коротко подстрижены, лицо гладко выбрито, нос прямой, очень тонкий и высокий. На вид Слайту едва ли было двадцать лет. Что сразу и навсегда запечатлевалось в памяти, это глаза некроманта. Ярко-зеленые, с фиолетовыми вкрапинками. Фиолетовый также присутствовал в одежде, и у многих порождений тьмы в тот период войны в глазах был фиолетовый оттенок. Неспроста флаг Архипредателя имел темно-фиолетовый фон. Это был его особый, знаковый цвет.

Слайт спросил, где Дрейк. Он хотел вести переговоры именно с ним, но Дрейк, к сожалению, остался в форте и готовился к обороне. Слайт поразил нас

вежливостью и учтивостью речи. Мягкий, спокойный, будничный тон. Все мы чувствовали себя не в своей тарелке. Уничтожение нескольких городов вместе с населением – и все это под руководством одного человека и за кратчайший срок. Он буквально перевернул весь мир. Андерс потерял треть своих паладинов, многие из которых, как потом выяснилось, были убиты Деймосом лично. Джавелин лишилась многих родных, проживавших в Саркаруссе в момент пришествия нежити, и я видел, как сжимается ее ладонь на рукояти клинка. И разумеется, они оба были готовы взорваться и выплеснуть всю боль, но в итоге не сказали ни слова. Спокойный, мягкий тон – это вовсе не то, что мы ждали от предводителя мертвых. Он вдребезги разбивал наши представления о нем, и мы топтались перед ним в замешательстве, как дети: столь приятной и доверительной нам показалась его речь. Я подумал, что все это – какая-то роковая ошибка. Что это не тот, кого мы искали. Такой человек не способен устроить конец света и уничтожить человечество.

Он сказал нам:

– Я буду очень вам благодарен, если вы не станете тратить свое и мое время на оскорбления. Будет прекрасно, если мы приступим непосредственно к главной теме сегодняшней встречи.

Слайт обвел нас спокойным взглядом, видимо ожидая кивка или согласия.

– Мир, – продолжил он.

– Мир?.. – Джавелин славилась стойкостью и первая взяла себя в руки.

– Мир наступит только с твоей смертью! – Верховный паладин имел личные счёты с некромантом. За последний месяц он потерял больше братьев, чем погибло в ордене за все последнее столетие.

– Да. У меня есть предложение о мире, – не обращая внимания на горящего гневом паладина, продолжил Слайт.

– Условия? – спросила Джавелин.

– Попрошу вашего внимания к следующим словам. Я сейчас же отвожу войска от форта Аякс. Армии тьмы возвращаются в некрополи и, пока я жив, не покидают мои владения. За неподконтрольные мне армии ответственности не несу, вы вольны уничтожать их, в том числе и на моей территории, если они проявляют агрессию. Вы вольны присылать наблюдателей, которым я обеспечу защиту и неприкосновенность. Они будут следить и докладывать вам обо всем, что происходит в моих владениях. Любая нежить, переходящая границу моих владений, считается неподконтрольной мне и уничтожается.

– А взамен? – Это Джавелин остановила Андерса, который вновь хотел влезть с гневной отповедью.

Такое предложение о мире стало подобным сладкому сну. Об этом можно было только мечтать. После пяти месяцев ужасов, которые были, наверное, самыми тяжкими за всю историю человечества, нам предложили все закончить, да еще и обезопасить себя всеми возможными способами. Неудивительно поэтому, что ни один из нас не поверил его словам.

– Я понимаю ваше недоверие, – заметив это, произнес Слайт, – потому я готов пойти вам навстречу в исполнении обязательств, направленных на защиту ваших границ, и контро...

– Не заговаривай нам зубы, некромант! – не выдержал Андерс. – Чего ты хочешь конкретно? И с каких это пор у тебя есть личные владения! Полгода назад это были наши города, их построили наши предки, там жили наши дети!

Слайт спокойно взглянул на Андерса: казалось, он совсем не разозлился на то, что его бестактно перебили. Он продолжал быть похожим на доброго священника, который снисходительно относится к невежеству и грубости прихожан.

– Все крайне просто и бесхитростно. – ответил он. – В центре Деона стоит собор Святого Люмоса. Он должен быть разрушен до основания; все находящееся в нем имущество также подлежит уничтожению. А владыка сей церкви Бемонциус уйдет со мной прямо сейчас.

– Что?.. Да как ты смеешь?! – возмутился старший священник.

– Это наша святыня! – горячо вторил ему паладин. – После всего что ты натворил, ты еще и ставишь нам условия, по которым мы должны уничтожить самое священное место? Бездушный богохульник!

– И какая гарантия, что ты не лжешь, как обычно это бывает? – чуть более спокойно спросил Бемонциус. – И воо...

Теперь уже Слайт прервал собеседника:

– Не припомню, чтобы я нарушал данные мной обещания. Я пришел сюда не для обмена любезностями. Я выдвинул свои условия. Полагаю, они понятны и просты. Я буду очень рад, если вы проведете нечто наподобие совещания, сделаете правильный выбор и спасете тысячи невинных жизней.

– Да как ты еще смеешь... про невинные жизни!.. – Андерс потянулся к мечу, но Джавелин вновь остановила его.

– Ты ведь понимаешь, что мы не можем разрушить храм! – обратилась она к некроманту. – Жители Деона скорее умрут сами, чем позволят себе взять на душу такой грех!

– Я все сказал, – коротко ответил тот. – Война – это ваш выбор, не мой.

– Теперь ты перекладываешь вину за убийство невинных на нас? – вмешался Бемонциус.

Слайт очень медленно подошел вплотную к нему, а заодно и ко всем нам. Глаза некроманта вспыхнули фиолетом, и последующая перемена в его голосе и моем состоянии была настолько радикальна, словно я очнулся от сладкого сна, ранее усыпленный показным добродушием и расслабленностью Слайта. Где-то внутри зародился неестественный, липкий страх. Ощущение такое, словно падаешь в пропасть. Кожа покрывается мурашками, подступает тошнота, чувствуется холод в груди, дрожь в пальцах...

Я посмотрел на Джавелин: она наверняка чувствовала то же, что и я. А вот Андерс, по-видимому, мог сопротивляться ауре страха, распространяемой некромантом. Голос Слайта переменялся на вкрадчивый, обволакивающий.

Словно чудовищный паук не спеша подбирается к уже попавшей в паутину жертве. Именно такая ассоциация лучше всего подходит. Человек не может обладать таким голосом. Я слышал его прямо в своей голове и думал, что, если Слайт перестанет шевелить губами, я все равно буду слышать его голос.

– Я знаю, кто ты, Бемонциус, – произнес он в лицо священнику. – С заходом солнца ваше время подойдет к концу. Я приду. И даю слово – все там разнесу.

Слайт неспешно развернулся и пошел прочь.

– Твоя армия у форта, ты не сможешь взять город! – крикнула ему вслед Джавелин.

Слайт обернулся и бросил последний взгляд в нашу сторону. Взгляд, в котором не было ярости, злости или ненависти. Не было того, с чем ассоциировался Архипредатель. Только разочарование и немного грусти. В следующее мгновение Слайт закрыл глаза и исчез, оставив после себя облако темного тумана...

Ну а что было дальше, вы прекрасно знаете. Деон был уничтожен следующим вечером, а собор разрушен до основания. – Волшебник перевел дух и теперь собирался закончить лекцию как можно скорее.

– Но как же он смог разрушить город? Ведь нежить была у форта, в двух днях пути от города!

– Это для тебя, может, в двух днях пути. Если конь не подведет. А для армии-то и все пять! Мы понятия не имеем, как он это сделал. С позиции современного магического искусства это невозможно.

– Почему?

– Почему-почему... Вот вы, юноша: какое самое разрушительное заклинание вы когда-либо произносили? Вы хотя бы бумажку в камине сможете поджечь своей магией?

– Мм... Ну... мы пока не приступали к изучению боевых чар... – смущенно промямлил первокурсник.

– Вот именно. Потому у вас такие детские вопросы. Едва ли в этом зале присутствует маг, способный снести заклинанием толстую крепостную стену. Для этого нужно овладеть теорией и напрактиковаться в заклинаниях хотя бы четвертого круга, и то, если вы геомант. Да никто и не будет этим заниматься, ведь подобное заклятие высосет из вас все силы на два дня вперед! А волшебников четвертого круга или выше, как вы знаете, очень и очень мало. Примерно один волшебник из пятерых развивается до подобной мощи. Наш архимаг, конечно, смог бы разрушить даже несколько таких стен, но какой ценой?.. А ведь что случилось с Деоном? Ударная волна буквально стерла с лица земли и храм, и дома, за ним находящиеся. Устояли лишь постройки на удалении более сотни метров от места, куда ударило заклятие, и то лишь потому, что это были крепкие здания из камня. И физические разрушения – это лишь половина того, что обрушилось на Деон. Все люди, за исключением обладавших сильнейшим магическим иммунитетом, подверглись мощнейшему влиянию. Если коротко, то большинство сошло с ума в первые секунды, а остальные сдавались постепенно. И все это произошло от одного магического удара. Если у вас есть хотя бы теория, как это можно было сделать, я с радостью послушаю.

Зал молчал.

– Эй, у тебя разве нет теории на этот счет? – Кетани ткнула локтем Децимуса, который очень сосредоточенно слушал рассказ.

– Есть, конечно. Но едва ли это кому-то интересно.

– Но мы же маги!.. «Первостепенная задача волшебства состоит в сохранении, приумножении и распространении знаний»! В учебнике, по крайней мере, было написано так, – с явным сарказмом произнесла акалийка.

– Чтобы налить вино в кувшин, оттуда сначала нужно слить тухлую брагу. А чтобы ее слить, нужно откупорить крышку. А я, уже на этом этапе, захочу расколоть его о грудь голема.

– А я – пустой кувшин? Ты бы хотел попробовать мое вино?

Замон, сидящий рядом, покраснел и зажмурился.

- Ты не кувшин. Ты скорее такая... вазочка. Элегантная тонкая вазочка с перспективой обратиться в чемпионский кубок.

- О-о-о... Значит, я - «перспективная вазочка»?

- Да. Знаешь... я делю людей на три категории. Которым помочь можно, которым помочь нельзя и тех, кто помогает сам. И будь ты в безнадежной категории, вряд ли мы проводили бы столько прекрасного времени вместе...

- Децимус!.. - сквозь зубы прошипела Кетани, а Замон всеми силами попытался показать, что очень заинтересован происходящим в зале и ничего другого не слышит.

Глава 2

Черно-белый мир

24-й год эры объединения. Третий день осени. Утро.

Город Боал. Гостиница

Меланта

- Подъем, партнер!

Партнер? Новое слово. Подобно людям, я выдерживаю небольшую паузу, дабы симитировать пробуждение.

- Партнер?

– Ну да... Напарник, сообщник, компаньон, дружище... Натягивай юбку, крась губки, и полетели спасать принцесс.

Я в очередной раз убеждаюсь, что мои знания человеческого языка далеки от идеала. Слишком много слов, одинаковых значений, переносных смыслов. Человек считает меня своим сообщником – это значит, что у нас есть общие дела. У нас нет общих дел. Но он мо...

– Меланта, едрить тебя! – Я открываю глаза. Нирас сидит на плотном плаще, заменявшем ему спальное место. Мне не нужна кровать. Я сказала, что мне удобнее на полу, но он наотрез отказался. Добавив при этом: «Не могу позволить такой даме спать на полу в моем присутствии». Не знаю, что он имел в виду. Не стала спрашивать. Много вопросов привлекают и много внимания.

Я встаю, внимательно осматриваю номер.

– Доброе утро!

– Что?

Нирас вечно в веселом настроении. На все должна быть причина. Существо не должно постоянно быть радостным. Это словно отклонение от нормы.

– Я говорю – доброе утро! Это такое приветствие, утреннее, ну... как ритуал. У тебя на родине так не говорят, чоль? У нас либо доброе утро, либо красные глаза и колокольный звон в кочерыжке.

– Что ты имеешь в виду?..

– А-а-а... Опять ты за старое. – Мой партнер сжимает кулаки и поднимает взгляд вверх. А вот этот ритуал он совершал при мне неоднократно. – В общем, ты проснулась?

Я кивнула. А как бы я разговаривала во сне?

– Какие планы на сегодня? Есть дела?

Я кивнула.

- Признавайся, че задумала?

- Мне нужно мелоновое зелье.

Путь правды всегда самый короткий. А значит, самый быстрый, и, как заметил человек, время – это деньги. Время – важнейшая величина в жизни смертных. А деньги, видимо, едва ли уступают времени в ценности.

Нирас удивленно приподнял бровь:

- Зачем?

- Это личное дело.

- Ты ведь не маг, правда? – подозрительно сузил глаза Нирас.

- Правда. – У людей правда – вещь относительная. Можно сыпать ею налево и направо, найдутся те, кто посмотрит на одну и ту же вещь каждый под своим углом и сделает свои выводы, и для многих эта чушь действительно будет правдой. Неудобно, глупо, разобщающе и запутанно. Одна из сотен корневых причин бесконечной раздробленности этой расы.

Нирас продолжал смотреть на меня еще некоторое время. Наверное, это то, что называют пронизательным взглядом. Уже не в первый раз он концентрирует свое внимание на мне в поисках ответа на свои вопросы. Абсолютно бесперспективное занятие.

- Ну лады, – сдался Нирас. – Я почапал в порт.

- Искать мне корабль?

- Нет. Искать нам корабль! Поплаваю с тобой за компанию, а то вдруг стащит кто тебя, такое сокровище. Здесь единицы, на кого можно положиться, а ты, как мне кажется, одна из таки...

– Положиться на меня?..

– Не в этом смысле... – поспешно добавил Нирас. – Я имею в виду, что ты надежный человек. С тобой можно щелкать дела, не опасаясь ножа в тыл. Меня ничего не держит в этом клоповнике, а в столице хотя бы награда за мою башку не такая высокая. Того гляди подружимся, будем пара, как два сапога... Ну, такой помятый, бывалый, запыленный башмак и высокий, элегантный сапожок из ящеровой кожи.

Я киваю в знак понимания, от которого на самом деле неизмеримо далека.

– М-да... – Очевидно, он ждал от меня другого ответа. – Короче, ты не против. Значит, так. Я свалил в порт. У нас есть два варианта. Спокойно плыть на галеоне в личной каюте либо на шхуне или транспортном барке, но при этом придется подработать. Ничего сложного: разгрузить-загрузить какую-нить хрень, возможно, немножко матросской деятельности... в нашем случае – драить палубу, ибо больше мы, видимо, особо ниче и не умеем. Ты как?

Я изображаю недоумение, как учил повелитель.

– В общем, так! В первом варианте приятно, но накладно. Во втором неудобно, но почти на халяву!

И почему он сразу так не объяснил? Люди же могут сказать простым и понятным языком! Что мешает пользоваться данным умением постоянно? Сами ведь утверждают, что время – деньги...

– Насколько накладно?

Нирас пожал плечами:

– На двоих у нас почти два золотых, верно? А для галеона нужно по три за харю.

– Два золотых, – лгу я, подтверждая. – А что значит «драить палубу»?

– Ты берешь тряпку, мочишь ее водой и трешь деревян... а, ладно – твой будущий муж тебе получше объяснит. Тока не сломай швабру об его хребет.

- Другой вариант?

- Тогда нужно найти еще пару монет! Кроме того, мелановое зелье тоже стоит немало!

- Сколько?

- А мне почему знать? Но зуб даю, что побольше бочонка с элем. На черном рынке – вроде как по золотому за маленькую склянку. Оно же только для задохликов в мантиях, тебе-то зачем?

- Личное дело.

Нирас неодобрительно проворчал что-то на неизвестном мне языке.

- Ладно. Я смылся. Не потеряйся в городе. С твоей внешностью только на рыбалку в трактир ходить.

Осмысливать полученную информацию становится все труднее. Я вспоминаю слова повелителя: «Меланта. Радость моя. Если запуталась – просто кивай и улыбайся».

- Столкнемся тут через пару часов.

Нирас дождался моего кивка и поспешно покинул комнату, не забыв нацепить трофейный плащ.

Из окна открывается вид на городскую площадь. Человейник. Нирас называет города человежниками. «Это как муравейник, только в нем живут люди», – пояснил он, полагая, что я знаю, кто такие муравьи. Возможно, еще одна раса, которыми так густо забит этот алогичный мир. Я не видела муравейников, да и людей до недавнего времени; лишь один город, который на моей родине называют некрополисом. Я родилась в нем и существовала до недавних дней. Но он совсем не похож на наблюдаемый мной из окна. Нирас вышел из гостиницы и бодрым шагом направился к пристани.

Нирас. Он встретился мне вчера, а сегодня уже зовет меня партнером. Люди торопятся. Причина, вероятно, в ограниченности жизненного срока. Пробираясь через лес, я наткнулась на небольшое жилище. Часовой на входе предложил мне проваливаться, но меня привлекли доносящиеся из окна дикие крики. Я спросила о них человека, но он вновь сказал, чтобы я убиралась. Очень грубо сказал. Невежливо и неуважительно. Понятия чести и достоинства мне чужды, несмотря на попытки повелителя искусственно привить мне понимание морали. Я без труда открыла дверь его головой. Нирас был привязан к стулу, синяки и раны покрывали тело. Один мужчина сидел перед ним, а двое других – за столом. Они вскочили и схватились за оружие в ответ на мое внезапное появление. Я вышла обратно, увлекая их за собой.

Проверка боевых навыков была очень кстати. Хотя, надеюсь, последующие противники будут серьезнее и не дадут мне расслабиться. Спустя некоторое время я вернулась в дом и освободила пленника. Так я познакомилась с Нирасом.

Нирас. Согласно знаниям, почерпнутым мной из десятка местных книг, к этому имени более всего подходят определения «пройдоха, жулик, вор, бродяга». После суток пешего перехода я решила, что он слишком много говорит, но, прибыв в город, поняла, как сильно заблуждалась. Люди болтали без умолку, постоянно. Не понимаю, как они не устают двигать ртом и изображать эмоции. Я спасла Нираса от верной гибели, и это, как я полагаю, связывает его со мной в понятии местной этики. Кроме того, по его словам, за ним охотится целая армия и он значится преступником в куче провинций, а значит, не подставит меня местным властям. Он провел меня в город, нашел место для ночлега и не пытался ограбить, пока я притворялась спящей. Учитывая отсутствие прикладных знаний о человеческом обществе и структуре власти, стоит взять его с собой, не раскрывая, однако, свои цели и сущность.

В комнате лежит мой битком набитый рюкзак. Нирас не спрашивает, что там, и это меня устраивает. Я закидываю рюкзак за плечи, поправляю одежду и отправляюсь на поиски зелья.

Городская площадь. Если верить книгам, это место для гуляний и празднеств в особые дни и базар – в будние. Повозки с товарами и рыночные прилавки образуют ровные ряды. Стражники в кольчужной броне устало прислонились к стене на своих постах. По два стража на каждый выход с площади. Геральдика на щитах отсутствует, однако они выкрашены в единый цвет. Я не знаю какой, для меня это темно-серый. Скорее всего, это красный или темно-синий. Похоже,

теперь я понимаю переносное значение выражения «раскалывается голова». Никогда прежде я не оказывалась внутри подобной звуковой какофонии.

Солнце ослепляет меня. Неудобно. Рисунок на потолке у повелителя нравился мне куда больше. Я остановилась у лавки с различными головными уборами, но подбежавший продавец начал так громко верещать, что я поспешила дальше. Не знаю, считается ли раздражение эмоцией? Прихожу к выводу, что нет. Ведь меня раздражает шум, я могу слышать, громкость является раздражителем моего слуха. Это, наверное, не имеет отношения к чувствам и эмоциям. Со всех сторон галдят, уговаривают и торгуются за каждый медяк. Дети также находятся на лидирующих позициях в моем личном списке раздражителей. Вероятно, я скоро на негативные суждения, ведь люди живут в этом мире десятилетиями. Интересно, а что ненавидит больше всего Нирас? Обязательно спрошу.

Очередной недовольный ребенок ревет, а мама вихрем вертится вокруг, пытаюсь угодить своему плаксивому чаду. Продавец лавки с говорящим названием «Сладкие сладости», видя, что малыш своим ревом распугает всех клиентов, дает его маме маленькую трубочку. К моему удивлению, получив «сладкую сладость», ребенок мгновенно перестает плакать. Теперь он улыбается и, кажется, совсем забыл об устроенной им мгновение назад истерике. Интересная магия. Я раскошеливаюсь на пару трубочек и поспешно ухожу, пока продавец не завалил меня прочими предложениями.

Нахожу нужный мне магазин. Крупный шатер, над входом написано: «Зелья Мази Настойки». Шум остается снаружи, тишина напоминает о родине. Я с любопытством прохожу мимо стеллажей со склянками разных форм и размеров. Под каждым сосудом – лист бумаги с описанием свойств зелья, а также его состав. Многие травы знакомы мне по прочитанным книгам.

За два обхода я так и не обнаружила нужного зелья. Вот где эти торговцы, когда они так нужны? Это, наверное, закон подлости, о котором рассказывал повелитель.

– Мм... Доброе утро!

– Доброе утро, уважаемая госпожа! Что вас интересует? – Из-за стойки резво выскакивает низкий пожилой мужчина.

Похоже, утреннее приветствие действительно работает.

- Духи! Наверное, вас интересуют духи! У нас есть отличный набор духов, а также...

- Какие еще духи? - Ну что люди могут знать о духах? Если хоть немного промедлить с ответом, тут же слышишь нелепое предположение.

- Духи?... - удивился мужчина. - Ну... ароматы, благовония, приятные запахи.

- Зачем?

- Зачем?... - Брови торговца подлетели еще выше. Затем удивление резко сменилось залившимся смехом, и он быстро затараторил: - Вы меня подловили! Ой, у нас есть более сорока ароматов, начиная от цветочных, морских, фруктовых и заканчивая волшебными, с особыми свойствами. Например, это. Духи? лилу?. - Он указал на стоящую отдельно колбочку. - Пара капель вечером, перед балом, и любой не обладающий сопротивлением будет видеть только вас! А вот это...

- Мне нужно мелоновое зелье. - По-видимому, это безумие никогда не закончится. Надо было говорить прямо и сразу. Моя ошибка.

- Мелоновое зелье? - Мужчина вновь изменился в лице, но на этот раз я не смогла определить его эмоции. Страх, или подозрение, или все вместе. - Вы маг?

- Нет.

- А зачем вам мелон?

Зачем мне мелон? Какая разница, зачем мне мелон! Нирас спросил о том же.

- Это мое личное дело. А почему вы спрашиваете?

- В таком случае мне придется взять пару капель вашей крови. - Ответ пришелся ему явно не по вкусу. Мужчина вздохнул и развел руками, показывая безвыходность ситуации.

– Взять что?

Я не ослышалась?

– Кровь. – Торговец достал маленькую пустую колбу. – Это стандартная проверка. Пара капель крови, затем я опускаю склянку в марзидный раствор: если вы не маг, все хорошо, ничего не происходит; если маг – будет реакция. И если вы маг, то обязаны представить кольцо, знак либо официальный документ гильдии или университета. Если не маг, то официальный документ, подтверждающий, что вы находитесь на службе у магов либо являетесь иным их доверенным лицом.

Мне не нравятся подобные сложности. Слишком много слов, из которых я ничего не поняла, ввиду того что он лопотал слишком быстро. В любом случае мне это порядком надоело, а время, как здесь говорят, – это деньги. Мне нужно получить это зелье любой ценой. Между угрозой и подкупом я рационально выбираю первое.

– И такие правила везде?

– Разумеется, мэм! Вы впервые на материке? У нас строгий магический контроль!

– Хорошо. А что насчет того ведра? – Я указываю на стоящее у входа ведро.

– Ведро?.. – непонимающе переспросил торговец.

– Да! Если я возьму вашу кровь и наполню ею ведро – случится ли реакция, в результате которой я получу мелоновое зелье?

Торговец отшагивает назад и открывает рот для крика, но слишком поздно. Я хватаю его за горло левой, а за ремень – правой рукой и без особых усилий отрываю от земли: так, чтобы наши глаза были на одном уровне. Страх. Эту эмоцию я знаю отлично. За последние два дня я видела ее чаще, чем какую-либо другую.

– Мне нужно мелоновое зелье, – доходчиво повторяю я.

– Да-да-да!.. В шкафу, шкафу... Вторая полка... – Его голос кардинально изменился. Теперь это больше похоже на визг или писк. Я подмечаю, что интонация напрямую зависит от эмоционального состояния.

– Покажи! – Я ставлю бедолагу на землю. От страха у него подкашиваются ноги, и он падает на колени. Жалкое зрелище. Он кое-как поднимается, я иду за ним. Он открывает шкафчик и указывает на ряд маленьких, пирамидной формы колб с затычками. – Которые из них?

– Темно-синие.

– Доставай одну! – Я могу определять оттенки, не более.

Торговец протянул трясущуюся руку к одному из пузырьков. Теперь ясно, что значит «темно-синий». Я сворачиваю ему шею и прячу тело за стеллаж. Повелитель не одобрил бы подобное обращение. Тело как холст; художник не выбрасывает чистые листы!

Я нахожу небольшую шкатулку с множеством маленьких отсеков. Видимо, для удобства хранения зелий. Полезный предмет. Забиваю все отсеки колбочками с мелоном, кладу шкатулку в боковой карман своего рюкзака, направляюсь к выходу, и в этот момент в шатер заходит посетитель. Закон подлости вновь в действии. Я останавливаюсь. Он бегло осматривает магазин.

– Вы продавец? – Голос вежливый.

Я киваю головой.

– У вас есть чайные настойки?

– Да, разумеется, – отвечаю я после небольшой заминки и подхожу ближе. – За вашей спиной – превосходный набор.

Он оборачивается. Свернув и ему шею, отношу его за прилавок. Подобное в людском мире называют эффектом дежавю. Мне нужно выйти из этого проклятого магазина, пока я не соорудила целую гору из человечков. Я срезаю кошельки и направляюсь к выходу, попутно забирая показанные торговцем духи

лилу. Возможно, я найду им применение.

Без спешки покидаю рынок и направляюсь к гостинице. Хозяин приветствует меня, интересуясь моим самочувствием. Я отвечаю: «Самочувствие без изменений». На самом деле его это не интересует. Одна из глупостей местного этикета. В номере пусто. Я снимаю рюкзак, достаю один пузырек и осушаю одним глотком.

Сила... Я с трудом сохраняю неподвижность. Энергия рвется наружу, бурлит внутри меня. Падаю на колени, меня начинает трясти. Это боль? Возможно, я чувствую боль. Легкое покалывание проходит по коже. Я пытаюсь подняться, но ноги словно окоченели, что теоретически невозможно. Мир насыщается красками. Я вижу свои белые руки, темно-серые рукава кожаного доспеха окрашиваются в коричневый, черный пол лишь слегка меняет яркость. Я закрываю глаза и вспоминаю уроки моего повелителя...

– Дыхание отвечает за внутреннее состояние. Люди злятся – дыхание учащается. Человек может начать дышать чаще, и это поспособствует входу в боевое состояние. Это взаимосвязано. Успокойся – и дыхание стабилизируется. Стабилизируй дыхание. Ровное, глубокое.

– Но зачем это мне? Разве я могу злиться?

– Узнаешь.

Я начинаю дышать глубже, состояние нормализуется, я открываю глаза. Мир вновь черно-белый, ощущения исчезли. Нирас застыл в дверном проеме. Почему все, кроме меня, появляются в самые неподходящие моменты?

– Эй, красавица моя! Ты в порядке? Водички принести, может? – В голосе слышится явное беспокойство.

– Я в норме. – Встаю и поправляю одежду.

Нирас заметил шкатулку с мелоном.

- Но... - Видимо, он хотел снова поинтересоваться моим состоянием. Люди редко понимают с первого раза. Но при виде шкатулки его и без того большие глаза округлились до величины самогонных чашечек. - Это... это... Святой Люмос!.. Целый ящик мелона?..

- Да.

- Это же... Это!.. Гоблинские вши, какого!.. Это... Как? Откуда? - Нирас хватается руками за голову.

- Гоблинские кто?..

- Это целая куча денег. Откуда у тебя все это?

- Взяла в местной лавке. - Видя предмет, многие местные автоматически переключают его ценность в денежный эквивалент. Это их умение мыслить в перспективе либо обычный материализм?

- В смысле взяла?

- Что значит «в смысле взяла»?

- Ты же не хочешь сказать, что тебе дали их за бесценок, за красивые глаза?

- У меня не было с собой красивых глаз.

- А как же те, которые глядят на меня?

- Что?

- А-а-а... не бери в голову. - Нирас махнул рукой и сел у окна. - Черт с ней, с лавкой. Ты понимаешь, что мы сейчас поплывем на корабле!

- И?

– Что «и»? Меланта! Ты вообще какой день живешь? Это называется контрабанда. Мелоновые зелья – это редчайший товар!

– Что такое «контрабанда»?

– Контрабанда – это... Черт, ты меня точно не разыгрываешь? – Я отрицательно качаю головой. – Контрабанда – это незаконные перевозки всякого редкого барахла. Как правило, с целью сбегать его на стороне.

– И?

– И то! Если мы поднимемся на борт с этой штукой, то приплывем прямиком за решетку. Наш багаж будут проверять перед отплытием!

– Борт?

– Меланта! – Нирас сжимает кулаки. Скулы приобретают более острые очертания. – Борт корабля, мать его!.. – Сквозь зубы.

Значит, мне придется показывать все, что я везу с собой. Досмотры, кровь на проверку. Часть и без того краткой жизни отведена процедурам безопасности. Слишком много суеты. Это никуда не годится. Я не могу показывать содержимое своего рюкзака без последствий для окружающих.

– Есть другой путь?

– Можешь плюхнуться на королевский фрегат. – Нирас откидывается назад. – Если ты родственница наместника или у тебя под бронелифчиком не завалялось еще одно состояние, хотя я уже ничему не удивлюсь, тем более там можно и не такое спрятать.

Нирас подмигивает. Я достаю из бокового кармана взятые с тел кошельки и бросаю на стол. Он взвешивает их в руке, потом высыпает содержимое и переводит взгляд на меня. Если так пойдет дальше, то удивление опередит страх в моем личном списке.

– Я не... нет. Ничего не говори... Даже знать не хочу... с кем я связался...

Мы идем к пристани. Нирас сказал, что придется отыграть роль. По его длинному и весьма подробному пояснению видно, что он в этом мастер. Нирас купил себе дорогой камзол и льняные штаны, обновил сапоги. Длинные соломенные волосы спрятал под просторную шляпу, которая словно добавляла ему роста. Накладная бородка придавала надменность и скрывала разбитый подбородок. Теперь он выглядел как типичный местный вельможа. Я отметила, что он изменил даже свою походку и осанку. Теперь это был спокойный размеренный шаг, надменно поднятый подбородок, плавно и в такт качающиеся руки. Вместо дерганого, пугливого паренька, постоянно озирающегося по сторонам.

– Мне нужна маскировка под представительный вид, – объяснил он, поймав мой оценивающий взгляд.

Я киваю.

– Я представляюсь как барон Сахаал. Это землевладелец из Траска. Этот упырь едва ли совал сюда свой нос, однако местные точно о нем слышали. Ты отыграешь роль паж. А сколько те? Ниче, что я задаю леди такой вопрос, да? Паж становится рыцарем в двадцать один год.

Из всего сказанного я поняла лишь последнее.

– Я выгляжу на двадцать лет?

Нирас улыбнулся.

– Я достаточно общался с женщинами, чтобы понять, что на такой вопрос не существует правильного ответа.

Нирас ловит мой взгляд и вновь глубоко вздыхает.

– А, ладно... Будешь служанкой.

– Нет.

- Телохранителем?

- Да, - киваю.

- Хорошо, с этим разобрались. Болтать буду я. Ты молчи. Лучше вообще скажем, что ты немая или дала обет молчания.

- Почему?

- Потому что иногда ты говоришь такие вещи, что я думаю, будто ты не от мира сего.

Вряд ли он догадался. Я уже знаю, что это одно из местных выражений.

- У меня было трудное детство, - оправдываюсь я. Частично это правда.

- Еще раз. Мы поднимаем свои тушки на борт. Я представляюсь, ты молчишь. Я представляю тебя, ты молчишь. Не глазей по сторонам, будто ты первый раз на корабле, не смотри лишний раз в глаза. И не лезь вперед меня. Тебе все ясно?

- Да, партнер.

- А-а-а... Я знал, знал, что пожалею об этом....

Спустя час мы уже располагались в излишне роскошной каюте «Аркуса», самого большого транспортного судна из стоявших в порту. Я уговорила Нираса устроить мне вводную экскурсию. Он не спеша рассказывал мне про технологию кораблестроения, пояснял значение терминов. Штурвал, снасти, парус, канат, мачта, гордень, камбуз и еще множество слов. Нирас заверил, что их в разы больше и он поведал лишь об основных. Я замечаю, что одни и те же помещения в городе и на корабле называются по-разному. На мой взгляд, совершенно непрактично. Зачем разные названия, если одна функция? Туалет или галюн: в чем разница, если один смысл? Река течет на земле, а если под землей, то река подземная, но все равно река! В моем мире нет океанов и морей, и мне было очень интересно столкнуться с этой совершенно новой стихией. В воде живут сотни различных видов животных, которые больше и сильнее человека и

плавают намного лучше. Но люди смогли приспособиться. Они придумали корабли, научились плавать над водой, в безопасности. Нирас сказал, что «Аркос» скорее военный корабль. В мирное время его отреставрировали, и теперь он занимается перевозкой важных персон. В военное же являлся флагманом флота.

Из книг я получила краткое представление о море и кораблях, но не ожидала, что это окажется столь увлекательным. Когда мы поднялись на бак, передо мной открылся западный океан. Бескрайняя гладь, тянущаяся далеко за горизонт, подобно безжизненным полям родного мира, которым нет конца и края. Там нет строений и тропинок, лишь редко торчащие кости нарушают ровность поверхности. Здесь же – океан, наполненный жизнью, движением волн и подводных существ. Я глубоко вздохнула, прикрыла глаза, чтобы сконцентрироваться на дыхании. Влажный воздух. Я никогда раньше не ощущала воду в воздухе. Похоже, я нашла место, которое мне по-настоящему подходит. Возможно, после выполнения миссии вплотную займусь морским делом. Только набрать надо команду молчунов. Я пообещала себе посвятить свободное время изучению корабельного дела. Сохранив пейзаж в своей памяти, я позволила немножко фантазий. Представила в...

– Меланта! – Нирас повысил голос. – Ты вообще слышишь, что я говорю!

– Да. Ты назвал мое имя.

Он смотрит мне в глаза, слегка наклонив голову, его ноздри раздуваются, кулаки сжимаются, губы плотно сжаты. Он поднимает глаза к небу и вновь гневно ругается на неизвестном мне языке.

– Я тут распинаюсь, а ты летаешь в облаках... – сквозь зубы произносит он. – На нас глазееет пол-экипажа. По легенде я благородный и богатый, а ты моя слу... мой охранник. У меня уже язык отсох, и желудок прилип к позвоночнику, а у нас в каюте целый стол хавчика!

Я достаю из кармана и протягиваю ему приобретенную в «Сладких сладостях» палочку.

– Ты расстроен и голоден. Съешь.

Видимо, палочки действуют не на всех...

Переместившись в каюту, Нирас начал с невероятной скоростью поглощать оставленные на столе угощения. Я позволила себе съесть несколько фруктов. Едва ли мне нужно питаться, но властелин пояснил, что энергия содержится практически во всем, в том числе в пище. И чем еда ближе к изначальной природе, тем больше в ней полезных свойств. Кроме того, если я в течение недели ничего не съем, это вызовет подозрения.

Я решила завязать с Нирасом дружеские отношения. У меня никогда не было друзей, и точное определение этому слову я не встретила ни в одной книге. Лорд Слайт говорил, что друг – это тот, кому можно доверить тайну и кто прикроет твою спину, и не важно, нравитесь ли вы друг другу и есть ли у вас общие интересы. Когда ты в беде, он придет на помощь и поставит твои проблемы выше своих. Я не могу ставить свои проблемы выше его, но не против, если так сделает он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/laks_evgeniy/gambit-predatelya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)